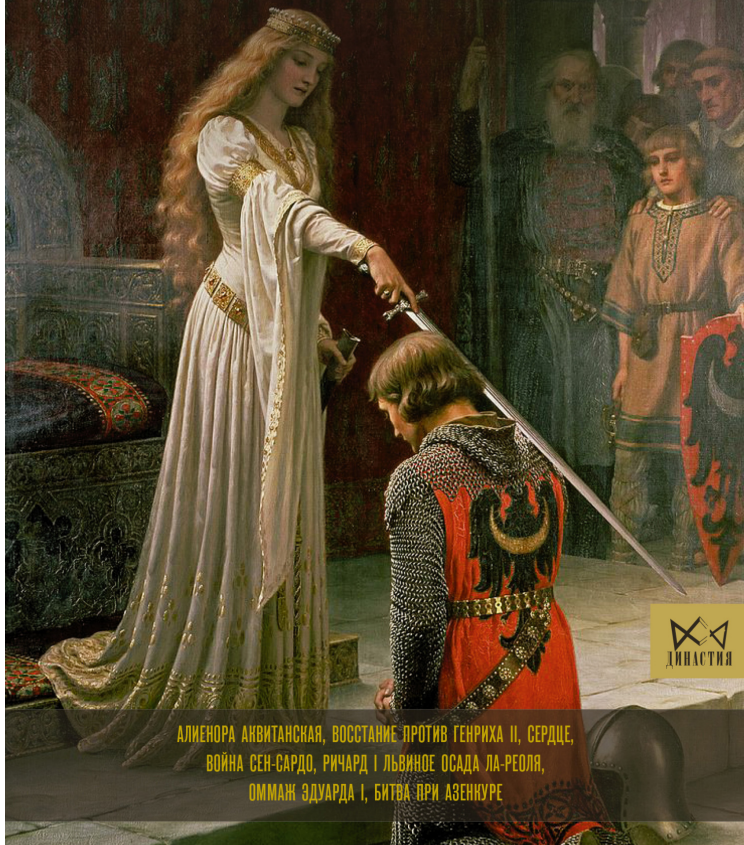

КАПЕТИНГИ И ПЛАНТАГЕНЕТЫ

ДИНАСТИЯ

АЛИЕНОРА АКВИТАНСКАЯ, ВОССТАНИЕ ПРОТИВ ГЕНРИХА II, СЕРДЦЕ,
ВОЙНА СЕН-САРДО, РИЧАРД I ЛЬВИНОЕ ОСАДА ЛА-РЕОЛЯ,
ОММАЖ ЭДУАРДА I, БИТВА ПРИ АЗЕНКУРЕ

Наталия Ивановна Басовская

Капетинги и Плантагенеты

Серия «Династия (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69567142

*Капетинги и Плантагенеты. Леопард против лилии: Издательство
АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-158305-7*

Аннотация

Люди, сражавшиеся и умиравшие при Креси, Пуатье и Азенкуре, и не подозревали, что живут в эпоху Столетней войны. Эту войну придумали историки, для современников это была череда бесконечных конфликтов между французскими Капетингами и английскими Плантагенетами. На французском гербе – лилии, на английском – леопард. Все, конечно, началось из-за женщины. В этой войне тесно переплелись безрассудная любовь, ревность, отвага, чудеса и предательство. Известный российский медиевист Наталия Ивановна Басовская в своей книге разворачивает перед читателем трехсотлетнюю панораму сражений и дипломатических интриг, воссоздает образы главных героев Алиеноры Аквитанской, Ричарда Львиное Сердце, Карла Мудрого и Жанны д'Арк.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Введение	7
Часть I	13
Глава 1. Семейная драма	14
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Наталия Басовская

Капетинги и Плантагенеты.

Леопард против лилии

© Н. И. Басовская, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*** * ***

Введение

Столетняя война – традиционное название длительно-го военно-политического конфликта между Английским и Французским королевствами в XIV–XV вв. В определенном смысле слова эту войну придумали историки в XIX в., введя в оборот само выражение и определив ее хронологические рамки, которые на шестнадцать лет больше века. Однако люди, жившие в Европе между 1337 и 1453 гг., вовсе не подозревали, что живут в эпоху Столетней войны. Несколько поколений европейцев, прежде всего в Англии и Франции, знали, что они очевидцы глубокой и давней вражды между двумя королевскими домами: французскими Капетингами и английскими Плантагенетами (в книге они представлены в образе двух геральдических знаков – английского леопарда и французской лилии). Время от времени англо-французские противоречия выливались в кровавые вооруженные столкновения и даже грандиозные для своего времени битвы, такие, как, например, сражение при Креси (1346), Пуатье (1356), Азенкуре (1415), Форминьи (1450).

Истоки англо-французского противостояния находились очень далеко от событий Столетней войны. Они едва ли отложились в исторической памяти современников. На взгляд историка, англо-французское противостояние, вызванное единым комплексом разнородных причин, охватывает не ме-

нее трехсот лет (XII–XV вв.). Оно выражается не только в сражениях, но и в драматическом переплетении семейных династических раздоров, сложной и тонкой дипломатической игре, противоборстве личных и государственных интересов.

В 1985 г. в издательстве «Высшая школа» вышла моя книга «Столетняя война 1337–1453 гг.». Это было первое исследование Столетней войны на русском языке. В 2002 г. была опубликована книга «Столетняя война: леопард против лилии». Она отличалась от первой прежде всего тем, что в ней история англо-французского противостояния была представлена начиная с XII в. Данная книга представляет собой второе, дополненное издание моей книги 2002 г.

Фактическая сторона излагаемых и анализируемых событий воспроизведена на основе многочисленных источников: более тридцати средневековых хроник, многочисленных дипломатических документов, переписки королей и др. В процессе работы над книгой я стремилась по возможности воссоздать портреты основных участников событий. Это прежде всего короли Англии и Франции, среди которых такие яркие фигуры, как Генрих II Плантагенет, Ричард I Львиное Сердце, Эдуард III, Филипп II Август, Карл V Мудрый, Карл VII.

Немало страниц в книге посвящено и женским образам. Среди них одна из самых замечательных женщин западноевропейского Средневековья Алиенора Аквитанская, стояв-

шая у истоков этой драмы и побывавшая королевой и Франции, и Англии. В развязке многовекового англо-французского противостояния выдающуюся роль сыграла Жанна д'Арк, самая популярная женская фигура западноевропейского Средневековья.

Широкая панорама событий затянувшегося на долгие годы англо-французского конфликта касается не только этих стран – она отражает многие важные явления в жизни Западной Европы в эпоху высокого Средневековья и начала его заката.

Знаменитый австрийский культуролог Й. Хёйзинга назвал XIV–XV вв. в истории Западной Европы «осенью Средневековья». Это определение, на мой взгляд, весьма точно передает существо исторического контекста, в котором происходили события Столетней войны, оно отражает состояние цивилизации, миновавшей пик своего развития. Именно таким временем были XIV–XV века для большей части западноевропейских государств.

Как и в естественной природной среде, явления «осени» в социальной и духовной жизни общества бывают глубоко скрыты под внешней оболочкой фактов и явлений, принадлежащих уходящему этапу истории. Сохраняя внешне образ Средневековья, цивилизация перерождается внутренне, несет в себе симптомы зарождения эпохи, которую историки называют ранним Новым временем.

Военный конфликт в любой исторической эпохе высвечи-

вает накопившиеся в обществе внутренние противоречия, обостряет их. Так называемая Столетняя война между английским и французским королевствами была в действительности серией военно-политических конфликтов, истоки которых находились в реалиях классического Средневековья. Однако военно-политические аспекты конфликта между Англией и Францией наложили стойкий отпечаток на жизнь двух враждующих королевств и Западной Европы в целом.

Конфликт, зародившийся на классической для Средневековья династической основе, перерос в ходе войны в межгосударственный и фактически привел к новому подходу к территориальным спорам. На смену традиционному вассально-ленному решению вопроса о границах владений пришло территориально-административное распределение спорных земель. Известные мирные договоры эпохи Столетней войны отчетливо отразили эту принципиальную перемену в характере международных отношений.

Одним из важнейших симптомов заката любой цивилизации является кризис ее элиты. Столетняя война отчетливо отразила ослабление ведущей социально-политической роли рыцарского сословия. Прежде всего это выразилось в кризисе военной системы эпохи Средневековья. Все крупнейшие победы английского войска были благодаря приоритету пешего строя перед традиционной рыцарской конницей. Спешенные рыцари Эдуарда III обеспечивали четкие действия

английских лучников, набранных преимущественно из числа свободных крестьян. В обороне, а затем и освобождении Нормандии все более заметную роль играли французские горожане. Великий французский полководец Бертран Дюгеклен одерживал победы по преимуществу за счет применения практически партизанской тактики ведения войны и опоры на поддержку населения городов.

Одним из проявлений «осени Средневековья» был очевидный кризис кодекса рыцарской чести. Фактически рухнули многие казавшиеся незыблемыми «законы войны», которые долго и строго соблюдались в средневековом обществе. Свидетельствами этого кризиса были многие представленные в источниках факты: нежелание французов отпускать за выкуп пленных рыцарей, служивших английской власти; приказ английского короля Генриха V убить пленных французских рыцарей во время сражения при Азенкуре и др.

Важнейшей высвеченной Столетней войной переменной в жизни позднесредневекового общества Западной Европы было рождение основ национального самосознания как во Франции, так и в Англии. По мере обострения англо-французского конфликта крепла самоидентификация населения враждующих королевств. Не будет ошибкой сказать, что именно на почве событий второй половины XIV – первой половины XV в. французы вполне осознали себя французами, а англичане – англичанами.

Широко известный патриотический порыв различных

слоев французского общества под знаменем Жанны д'Арк – классический, но далеко не единственный факт, подтверждающий эту важную перемену в общественном сознании эпохи «осени Средневековья». Краткая, кажущаяся невероятной биография Жанны продемонстрировала новые приоритеты эпохи: победу любви к родине (любви, не лишенной типично средневековой формы, преданности королю) над династическими правами (даже такими убедительными, как у английского короля Эдуарда III) и вассальными обязательствами (например, по Гаскони). В этом смысле выразительны многие представленные в книге эпизоды англо-французского конфликта, например: отказ жителей осажденного французского города Мо подчиниться приказу самого французского короля Карла VI и сдаться на милость английского короля Генриха V, или готовность жителей Седана «скорее умереть, чем стать англичанами».

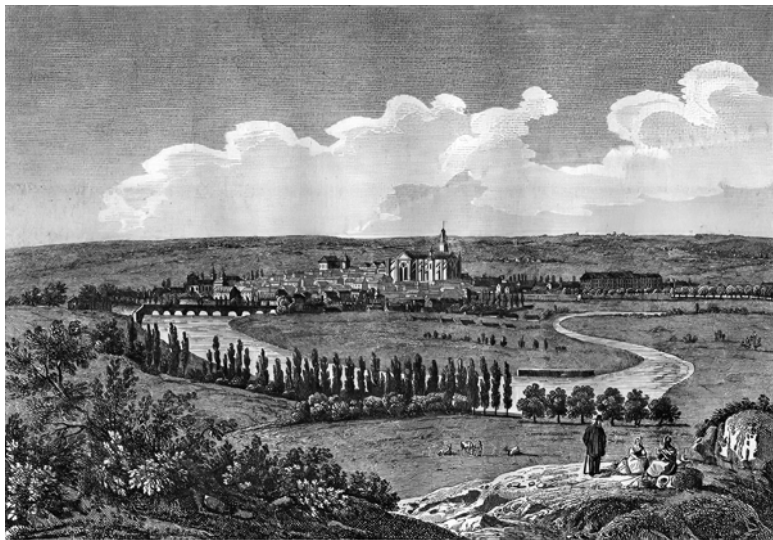
Отмеченные явления не исчерпывают круг высвеченных Столетней войной симптомов «осени Средневековья» в Западной Европе. Они лишь позволяют увидеть эту эпоху еще в одном из бесчисленных ракурсов, доступных глазу историка.

Н.И. Басовская

Часть I

Плантагенеты против Капетингов

XII – начало XIV веков

Глава 1. Семейная драма

Отправной точкой причудливого переплетения исторических судеб Франции и Англии стало событие середины XI в. – завоевание англосаксонского королевства северо-французским феодалом герцогом Нормандским Вильгельмом.

Королевство Франция стало оформляться в относительно обособившееся государство к концу X в. Внутри него еще не было политического и территориального единства, хотя во главе уже стоял король из первой французской династии Капетингов. Наиболее крупные феодалы – герцоги и графы – вели себя по отношению к ранним Капетингам весьма независимо. Понятие государственной границы совершенно отсутствовало, и право сильного зачастую решало самые серьезные политические вопросы. Именно на нем было основано дерзкое и, по существу, авантюрное предприятие герцога Нормандского Вильгельма Завоевателя, который в 1066 г. высадился на южноанглийском побережье в сопровождении сравнительно небольшого войска и удивительно легко одержал победу над ополчением разрозненных и более отсталых англосаксонских королевств. Вильгельм Завоеватель стал королем Англии, сохранив, естественно, под своей властью герцогство Нормандия в Северной Франции. Это событие положило начало растянувшимся на несколько сто-

лений попыткам Нормандской династии английских королей и их преемников создать и удержать под своей властью некое политическое образование, простиравшееся на Британские острова и территорию Франции.

В политической реальности второй половины XI – середины XII в. вопрос объединения континентальных и островных владений действительно был стержнем взаимоотношений французских Капетингов и английских королей из Нормандской династии. Однако это была не просто проблема принесения оммажа¹ королем – борьба вокруг континентальных владений английской короны с первых шагов отражала в юридической, а затем и в военно-политической форме столкновение внутренних процессов централизации и универсализации феодального государства. Выдвинутое в самом начале XII в. королем Франции Людовиком VI Толстым (1108–1137) требование принесения клятвы верности его вассалами (включая королей Англии – герцогов Нормандских) невозможно не связать с первыми целенаправленными усилиями королевской власти по объединению французских земель под эгидой короны. Английский король выступал на континенте в роли одного из многочисленных крупных феодалов – основных соперников королевской власти в борьбе за укрепление своих позиций. Оппозиция английских королей была особенно опасной, так как

¹ Оммаж – церемония оформления вассального договора между вассалом и сеньором.

она опиралась на авторитет короны и ресурсы за пределами Франции. Любопытно, что юридическое признание английскими королями своего статуса вассалов Капетингов на континенте произошло в середине XII в. при первом представителе новой династии Плантагенетов Генрихе II (1154–1189). Этот заметный средневековый правитель был применительно к Англии безусловным носителем централизаторской тенденции, о чем красноречиво свидетельствуют его известные реформы (судебная, военная и др.). Однако политическая деятельность Генриха II не была однолинейной. С меньшей энергией он стремился создать под эгидой английской короны обширное королевство универсального типа. Судьба дала ему серьезные основания рассчитывать на успех. Само происхождение Генриха как бы символизировало объединение Британских островов и континентальных владений. Его мать Матильда происходила из Нормандской династии, она была внучкой Вильгельма Завоевателя. Отец Генриха II был французским графом из семьи Анжу. К тому же в 1152 г., еще не будучи английским королем, Генрих женился на Алиеноре Аквитанской (1122–1204), дочери герцога Аквитанского Гильома де Пуатье, которая принесла ему в качестве приданого огромные владения на юго-западе Франции – Аквитанию. Граница этой области (в Англии ее обычно называли Гасконью, во Франции – Аквитанией или Гиенью) начиналась севернее нижнего течения Дордони и доходила на юге до Пиренеев. С запада на восток она простиралась от побе-

режья Бискайского залива до среднего течения Гаронны. Таким образом, под властью английской короны оказалась примерно половина французских земель: вся западная их часть, кроме независимого герцогства на полуострове Бретань.

Тесно и причудливо переплелись судьбы двух королевских домов. Особенно тревожную ноту в этот семейно-феодальный катаклизм вносило то, что герцогиня Алиенора Аквитанская была не только признанной первой красавицей тогдашней Западной Европы и богатейшей невестой, но и разведенной женой французского короля из дома Капетингов Людовика VII (1137–1180).

Конечно, вся Европа знала, что инициатором развода был Людовик VII. Как-то совсем просто, по-мужски, а не по-королевски, реагировал он на очевидное легкомыслие Алиеноры, на ее не слишком скрывааемые увлечения молодыми мужчинами, особенно во время Второго крестового похода (1147–1149), который красавица королева явно рассматривала как веселое приключение. Развод в XII в. в католической стране был делом трудным, но оскорбленный муж добился разрешения римского папы на расторжение брака (а значит, на потерю огромных богатых владений на юго-западе, которые принадлежали Алиеноре по наследству и превосходили в несколько раз личные владения французского короля).

Эта знаменитая семейная драма, так сильно повлиявшая на судьбы двух западноевропейских стран, – один из яр-

ких примеров недостаточности социально-экономических и классовых мотивов для понимания событий прошлого. Показательно, что, большой поклонник такого подхода к объяснению истории, Карл Маркс в своих «Хронологических выписках» обозвал Людовика VII ослом. Действительно, тот развелся с Алиенорой, презрев свои знаменитые «классовые интересы». Она, видимо, тоже затаила обиду на бывшего супруга и, хотя была для своей эпохи уже немолодой женщиной (в 1152 г. ей было за тридцать), подарила английскому королю четырех сыновей, один из которых, Ричард Львиное Сердце, стал самым знаменитым рыцарем Западной Европы. А ведь среди обвинений, высказанных ей Людовиком VII, говорилось о ее неспособности родить сына, наследника престола.

Во время долгого правления Генриха II противоречия между английским и французским королевскими домами возникали каждый год. Правда, они были еще очень похожи на большую семейную ссору между двумя мужьями Алиеноры Аквитанской.

Начало правления Генриха II было сопряжено с острой внутренней борьбой английского короля с братом Жоффре-ем, который претендовал на Мен, Анжу и Турень. Для того чтобы сохранить их под своей властью, Генрих был вынужден обратиться за поддержкой к Капетингам. В 1158 г. английский король посетил Париж, был принят королем и, видимо, получил обещание помощи. Платой за союз с Лю-

довиком VII стал оммаж английского короля, который признал себя вассалом Капетингов на континенте (1160). Борьба за универсальную монархию толкнула первого Плантагенета на большую уступку. В рамках политического мышления XII в. английский король отчасти поступился статусом государя, согласившись «получить» свои континентальные владения из рук таких слабых правителей, какими были Капетинги в 60-х гг. XII в. Небольшие размеры их домена², несовершенный государственный аппарат, глубоко укоренившиеся традиции фактической независимости крупных феодалов делали их власть во Франции почти номинальной. Видимо, именно в расчете на слабость Капетингов Генрих II решился на этот шаг, рассматривая его, скорее всего, как временный. Во всяком случае, уже в конце того же 1160 г. английский король повел себя отнюдь не как вассал: он силой захватил замки, которые были обещаны в качестве приданого дочери Людовика VII от второго брака с Констанцией Кастильской Маргариты, пленил более полусотни французских рыцарей и фактически насильственно обвенчал с трехлетней Маргаритой своего семилетнего сына Генриха. Французскому королю пришлось стерпеть все это и через два года примириться с Плантагенетом.

В 60-е – начале 70-х гг. XII в. универсалистские тенденции в политике Генриха II усилились. Он оказал давление на

² Домен (от *лат.* Dominium) – владение) – совокупность наследственных земельных владений феодала в странах Западной Европы.

Шотландию и Уэльс, добившись от их правителей вассальных обязательств; с помощью политического нажима и династического брака своего сына Жоффрея вынудил герцогов Бретани признать сюзеренитет английской короны; вооруженным путем расширил границы своих владений в Нормандии и Центральной Франции; приступил к завоеванию Ирландии. Английский король предпринял в эти же годы первые шаги, направленные на обеспечение международной поддержки в случае столкновения с Капетингами.

19 марта 1163 г. в Дувре был подписан знаменательный договор о дружбе между Генрихом II и графом Фландрским Тьерри. Фландрия была в то время одним из наиболее значительных фактически независимых феодальных владений в Западной Европе. Номинально графы Фландрские считались вассалами французских королей, однако в реальной политической действительности этого до сих пор не проявлялось. Более того, в 60-х гг. XI в. граф Бодуэн V Фландрский даже выступал в роли опекуна малолетнего Филиппа I Капетинга и именовал себя в документах «попечителем и управителем королевства». Во второй половине XII в. Фландрия сохраняла прочные независимые позиции. Опасность со стороны французской монархии пока не была заметной. Англия же рассматривалась как враждебная фландрской независимости сила с конца XI в. Тогда окрыленные успехами на Британских островах первые представители нормандского дома строили планы присоединения Фландрии к сво-

им континентальным владениям династическим путем. Договор 1163 г. был, по всей видимости, подписан графом Фландрским не без нажима со стороны Генриха II и, вполне очевидно, – небескорыстно. Граф фактически изменил своим вассальным обязательствам в отношении французской короны: он обещал английскому королю при необходимости военную помощь (тысячу всадников даже в случае войны против Франции). Делая вид, что он сохраняет верность французскому королю, Тьерри Фландрский писал, что по требованию Капетингов явится на военную службу в случае войны против Англии, но «возьмет как можно меньше людей». В конце договора указывалась плата за измену долгу вассала – ежегодная пенсия 500 марок серебром. Этот «феод»³ в течение многих десятилетий был одним из способов борьбы английского короля за окончательную переориентацию графов Фландрских.

В 1169 г. Генриху II удалось сделать еще один полезный дипломатический шаг: он добился брака своей дочери Элеоноры с кастильским королем Альфонсом VIII. В истории развития англо-французских противоречий Генрих, таким образом, первый принял меры, направленные на вовлечение в нее стран Пиренейского полуострова. Династический договор 1169 г. предусматривал в качестве приданого английской принцессы Гасконь, которая должна была перейти к кастильскому королю после смерти королевы Алиеноры. В

³ Феод – фиксированный доход, получаемый вассалом от сеньора.

тот момент трудно было представить, что Алиенора, которой было уже 47 лет, проживет еще тридцать пять (до 1204 г.). Для Средневековья редкий случай. И никто не предполагал, что ее смерть приведет не к укреплению, а к ослаблению английских позиций за Пиренеями.

Положение Капетингов во второй половине XII в. оказалось чрезвычайно трудным. Английские континентальные владения стали важнейшим препятствием на пути объединения французских земель. Успешная универсалистская политика Генриха II, которая, как ни парадоксально это звучит, безусловно опиралась на успехи его централизаторских усилий в самой Англии, его первые международные достижения – все это давало французскому королю Людовику VII мало шансов в неизбежной для него борьбе с английским домом. На пути Капетингов в решении проблемы централизации государства стояло немало препятствий, среди которых одним из наиболее сложных было наличие обширных английских владений. Они закрывали для королевского дома выходы к морю по Сене и Луаре, лишали французских королей больших потенциальных доходов. И над всем этим (для Средневековья – именно «над») возвышалась непримиримая и нарастающая взаимная вражда королевских домов. Однако по мере укрепления государственности во Франции и Англии соперничество с Плантагенетами угрожало перерасти в столкновение межгосударственных интересов.

Начиная с 70-х гг. Людовик, по-видимому, искал любого

повода для ослабления своего опаснейшего личного и политического соперника, прекрасно понимая, что признанный десять лет назад английский вассалитет во Франции может иметь реальное значение лишь при иной расстановке сил. В 1170 г. Людовик VII попытался использовать для ослабления позиций Генриха II его конфликт с архиепископом Кентерберийским Фомой Бекетом.

Задумав церковную реформу в Англии, Генрих II убедил Фому Бекета (ок. 1118–1170), канцлера королевства, своего друга и советника, принять духовный сан и назначил его архиепископом Кентерберийским. Бекет изменил свой образ жизни и из блестящего царедворца превратился в строгого аскета, погруженного в науки, молитвы и благотворительные дела, ярого противника политики Генриха II по подчинению церкви светской власти. В 1164 г., после принятия постановления о церковных судах, Бекет бежал из Англии во Францию. Во время шестилетнего изгнания он пытался найти поддержку у папы, но, не получив ее, примирился с Генрихом и вернулся в Англию в 1170 г. Примирение длилось недолго. Бекет снова начал борьбу против политики короля, яростно обличал своих врагов, отлучил от церкви архиепископа Йоркского из-за коронации «молодого короля» – сына Генриха II. 29 декабря 1170 г. придворные Генриха II, исполняя желание короля, ворвались в собор в Кентерберии и зверски убили архиепископа Фому Бекета прямо у алтаря.

Французский король сначала усиленно подогревал недо-

вольство римского папы наступлением английского короля на привилегии церкви. После убийства Бекета он шумно, на всю Европу, скорбел о Бекете, рисуя его в своих письмах в самых возвышенных тонах. Людовик VII определенно рассчитывал на осуждение английского короля общественным мнением западноевропейских стран. Тем не менее Генрих II, как известно, сумел выйти из этой неприятной ситуации. Более плодотворным оказался путь вмешательства в семейные дела английского короля.

«Семейная оболочка» конфликта Плантагенетов и Капетингов, а затем – Валуа не исчезла до самого финала этого противостояния. Однако ее реальное значение существенно менялось. Во второй половине XII в. это была органичная форма международных отношений, характерных для времени превращения достаточно аморфных феодальных владений в более или менее целостные и прочные государства. Именно «семейный метод» дал на первых шагах развития англо-французских противоречий максимальные политические результаты.

В 1172 г. Людовик VII встретился в Нормандии со своим семнадцатилетним зятем Генрихом, которого за два года до этого Генрих II короновал в качестве «молодого короля». Коронация имела целью укрепить ситуацию в Англии, застраховать корону от внутренней оппозиции. Но у нее оказалась и другая сторона – статус «молодого короля» подогревал честолюбивые устремления наследника, которые уме-

ло поддерживал и направлял Людовик VII. Он убедил принца потребовать, чтобы Генрих II передал ему «или всю Англию, или всю Нормандию»¹. В ответ на отказ английского короля разделить свои обширные владения наследник бежал в 1173 г. во Францию ко двору Людовика VII, куда за ним последовали его братья Ричард и Жоффрей.

Алиенора Аквитанская поддержала мятеж сыновей и стала поднимать на восстание против Генриха II Пуату. Она была схвачена патрулем английского короля и заключена в тюрьму, где провела последующие 16 лет, и только после смерти Генриха II ее освободит Ричард.

С этого, казалось бы, сугубо семейного эпизода началось утверждение англо-французских противоречий в качестве одной из определяющих (а со временем – ведущей) линий в международной жизни Западной Европы.

Французский король созвал в Париже совет, который принял решение о том, что «молодой Генрих» прав, а следовательно, его справедливое дело требует защиты.

В событиях 1173 г. Людовика VII поддержал граф Фландрский Тьерри. Он принял участие в Парижском совете, который одобрил выступление молодого Генриха против отца, фактически отказавшись от условий договора 1163 г.

Вероятно, французскому королю была также известна позиция короля Шотландии, готового вмешаться в назревающий конфликт между королями Англии и Франции. Причины позиции Шотландии абсолютно ясны. Относительно

большие успехи централизации в Англии привели к тому, что феодальная экспансия стала характерной чертой ее политики несколько раньше, чем в других странах. Первыми объектами экспансионистских устремлений английских феодалов при Генрихе II стали ближайшие соседи Англии: Ирландия, Уэльс, Шотландия. В середине XII в. утратила независимость часть Уэльса, в 70-х гг. началась колонизация Ирландии. На Британских островах лишь Шотландия сохраняла свою территориальную целостность и активно сопротивлялась наступлению английской монархии. В борьбе за независимость она, естественно, обратилась к поискам поддержки извне. Это совпадало с интересами французской монархии, нуждавшейся в опоре в неизбежно предстоявшей борьбе с Плантагенетами.

В апреле 1173 г. французский король и граф Фландрский вторглись в Нормандию, а шотландское войско начало войну на севере Англии. Таким образом, единая тенденция к поискам путей независимого политического развития толкнула Шотландию и Фландрию в конце XII в. на первый акт вмешательства в противоречия между английской и французской монархиями. Этим было положено начало долгой и сложной политической борьбе, в которой Шотландскому королевству и графству Фландрии предстояло сыграть заметную роль. События 1173 г. еще очень напоминали домашнюю ссору в королевском семействе. Однако характерно, что уже на этой ранней стадии англо-французские противоречия

вышли за рамки отношений между двумя королевскими домами и обнаружили тенденцию к обретению более широких европейских масштабов. Причина этого заключалась в том, что борьба Английского и Французского королевств наиболее рано и отчетливо отразила основные внутренние процессы, определявшие в тот период развитие международных отношений: столкновение централизаторских и универсалистских тенденций, системы вассально-ленных связей и крепнущей государственности, поиск путей независимого развития.

События 1173–1174 гг., имевшие внешне абсолютно семейную форму, закончились победой Генриха II, сумевшего отразить удар, нанесенный с трех сторон. Последствия поражения были наиболее тяжелыми для Шотландии. Шотландский король Уильям Лев был вынужден подписать Фалезский договор (1174), который снизил статус независимой Шотландии до положения вассала английской короны. Шотландский король и все его подданные объявлялись «людьми английского короля», которые «держат от него свою землю». Генрих II, кроме того, конфисковал пять пограничных шотландских замков и взял заложников, среди которых был брат короля. Шотландия, по существу, оказалась на пороге полной утраты независимости. Но шотландцы не намеревались сдаваться. Напротив, положение на англо-шотландской границе было постоянно напряженным, шотландская церковь отказалась подчиняться английской. Борьба неизбежно

должна была возобновиться. Поэтому прецедент сближения Шотландии с французской монархией не мог остаться случайным эпизодом.

Фландрия после событий 1173 г. сохранила свой прежний статус и положение между двумя враждующими монархиями. Поскольку английский король по-прежнему рассчитывал на возможную поддержку графа Фландрского, он предпочел «простить» ему выступление в коалиции с Францией и Шотландией.

Десятилетие с 1173 по 1183 г. было отмечено сравнительно мирными отношениями между Англией и Францией. На фоне внешнего затишья, по существу, шла подготовка нового столкновения. Позиции английского короля на международной арене по-прежнему были более прочными. Правители средневековой Европы не могли не считаться с авторитетом могущественного главы «Анжуйской империи». Автор английской официальной хроники Матвей Парижский, описавший события второй половины XII в. по трудам предшественников, отчетливо передает стремление Генриха II утвердить за собой лидирующую роль в международной жизни Западной Европы. Он подчеркивает, что послы многих государей – включая германского и константинопольского императоров – обращались к английскому королю за советами. Генрих II обладал титулом короля, но его политические претензии постепенно обретали более крупные масштабы. Так, в конце 70-х гг. английский король начал вмешивать-

ся в дела Германской империи, используя свои родственные связи с князем Саксонским Генрихом Львом, женатым на дочери Генриха II Матильде. Генрих Лев по могуществу соперничал с императором Фридрихом I Барбароссой, претендовал на императорскую корону. Амбиции Генриха Льва привели к конфликту с Фридрихом I Барбароссой, который организовал судебный процесс. В результате Генрих Лев был лишен многих владений и изгнан из Германии.

Мятежный князь побывал в Нормандии и Англии. В результате вмешательства английского короля был сокращен срок его изгнания, получено прощение императора Фридриха I Барбароссы для князя и его сторонников. В эти же годы Генрих II сделал новые шаги для укрепления своих позиций за Пиренеями. Опираясь на династические связи с Кастилией, он вовлек в орбиту своего влияния небольшое, но стратегически очень удобно расположенное королевство Наварра. В 1176 г. короли Кастилии и Наварры подписали соглашение, в котором они обязались разрешать любые свои конфликты при посредстве английского короля. Очень любопытна содержащаяся в этом документе оговорка, что в случае смерти Генриха II пиренейские государи могут обратиться к третейскому суду французского короля. Думается, что здесь проявилась растущая роль англо-французских противоречий в международной жизни Западной Европы. Все более отчетливо осознаваемые современниками, они становились и основой для группировки сил, и почвой для полити-

ческого лавирования.

Наиболее откровенно лавировала в эти годы между английской и французской коронами Фландрия. В начале правления пятнадцатилетнего французского короля Филиппа II (1180–1223), получившего со временем почетный титул «Август», его крестный отец граф Фландрский занимал очень прочные позиции при французском дворе. Это позволило ему добиться в 1180 г. согласия юного короля на возобновление соглашения между номинальным вассалом Франции – графом Фландрским – и опаснейшим врагом французской короны – английским королем. В договоре, как и в 1163 г., предусматривались военные обязательства правителя Фландрии по отношению к английской короне «при сохранении верности» Франции². Интересно изменение «цены» за обещанную Фландрией военную помощь – 1000 марок в год за предоставление при необходимости 500 всадников (в 1163 г. – 500 марок за 1000 всадников). Это, безусловно, свидетельствовало о том, насколько важна была для английской монархии уже в конце XII в. опора на Фландрию. Международное и экономическое значение ее признавали в этот период и правители Франции.

К концу 70-х гг. XII в. графство Фландрское стало столь серьезной силой, что начало вызывать опасения Капетингов. Удобное географическое положение Фландрии и высокие темпы развития феодализма в этой области привели к тому, что уже в XII в. она отличалась необычайно высоким

уровнем экономики. Особенно выделялись города, которые сочетали интенсивное ремесленное производство с активной внешней торговлей. Со второй половины XI в. все более важным торговым партнером для них становилась Англия. Все это в сочетании с этнической и культурной самобытностью населения Фландрии способствовало укреплению тенденции к независимому развитию. К тому же в конце правления Людовика VII фландрские графы заняли ведущее положение при французском дворе. Граф Филипп Эльзасский был воспитателем наследника короны Капетингов – будущего Филиппа II Августа – и пытался сохранить руководящее положение после его вступления на престол. Правильно оценив опасность, Филипп с первых шагов своего правления поставил цель ослабления Фландрии. В течение 80-х гг. неоднократно вспыхивали конфликты между французским королем и его опасным вассалом. В их борьбу за спорные области Валуа, Вермандуа, Амьен постоянно вмешивался Генрих II: он выступал в роли арбитра, защищал права тех подданных графа Фландрского, которые были связаны с Англией. И все же в целом Филиппу II удалось потеснить независимые позиции графов Фландрских и урезать их владения. Это готовило дальнейшее политическое сближение Фландрии с английской монархией.

Внешнее миролюбие английских и французских королей было, таким образом, прежде всего прикрытием подспудной подготовки к будущей борьбе и поисков международ-

ной поддержки. Ненадежность этого затишья подтверждалась частными, но крайне выразительными фактами. Хронист сообщает, что «молодой король» Генрих уже через три года после неудачного выступления в союзе с Людовиком VII отправился в Париж «повидаться с французским королем» и «дружил там с теми, кто воевал против английского короля»³. В 1177 г. Генрих II с оружием в руках потребовал у Людовика VII нормандский Вексен и Бурж (приданое дочерей). Сын Генриха II Ричард систематически воевал с недовольными в подвластных Англии областях французского юго-запада. При вступлении Филиппа II на престол едва не вспыхнула война с Англией, куда прибыли противники молодого короля из Франции. В ответ на их жалобы Генрих II собрал войско в Нормандии и приготовился к войне. Причиной ее отсрочки была нестабильность внутреннего положения в обоих королевствах: Генрих II, как все последние годы, находился на пороге очередного конфликта с сыновьями, а пятнадцатилетний Филипп II еще не обрел реальной власти в своем королевстве.

Официальной оболочкой временного затишья в англо-французской борьбе стала в 70—80-х гг. XII в. идея совместного участия монархов в Крестовом походе. 21 сентября 1177 г. был заключен договор в Иври, по которому короли Англии и Франции отказались от всех спорных вопросов во имя служения интересам «всего христианского мира»⁴. Вслед за этим соглашением Генрих II официально под-

твердил свои вассальные обязательства во Франции, фактически – свою лояльность в отношении французского короля, а Людовик VII гарантировал неприкосновенность французских владений Генриха II, в случае «если он отбудет в дальние страны»⁴. Крестоносная идея, таким образом, вошла в комплекс англо-французских противоречий в качестве миротворческой тенденции. Да она, видимо, и была попыткой ослабить, по крайней мере временно, остроту конфликта на Европейском континенте. Идея Крестовых походов оставалась еще достаточно популярной: успех сулил земли и доходы на Востоке. А это было лучшим стимулом для поддержки королевских планов. Хотя, конечно, нельзя не заметить что-то забавное в том, что возглавить очередной поход против «неверных» собрались два супруга прекрасной Алиеноры – бывший французский и нынешний английский.

Однако в 70–80-х гг. XII в. крестоносные планы английского и французского королей не осуществились. Они были подтверждены в 1181 г., но по-прежнему не реализовались. Причиной этого, несомненно, была сложная внутриполитическая обстановка в обширной «империи» Генриха Плантагенета. «Молодой король» – наследник престола Генрих – все отчетливее проявлял недовольство своим положением коронованного, но безвластного короля. И все более ясной становилась решающая роль Филиппа II, который продолжил усилия своего отца Людовика VII, направленные на то, чтобы взорвать изнутри опасное для Франции семей-

ство Генриха II. В 1182 г. «молодой король» отказался возвратиться из Парижа к английскому двору. Генриху II удалось предотвратить этот очередной бунт за немалые деньги и уступки. Но уже в феврале следующего, 1183 г. разразился назревавший взрыв в Английском королевстве. «Молодой король» Генрих при поддержке брата Жоффрея (герцога Британского) выступил с оружием в руках против отца, на стороне которого оказался Ричард.

Международные масштабы вспышки 1183 г. оказались меньшими только потому, что война очень быстро прекратилась в связи с внезапной смертью зачинщика – наследника английского престола Генриха. Не будь этого в общем-то случайного обстоятельства, в дело непременно вмешался бы подготовивший его Филипп II, к которому «молодой король» уже послал за помощью свою жену. На стороне английского короля успел выступить в Гаскони король Арагона. О глубинных мотивах этого политического шага судить применительно к данному раннему этапу развития англо-французских отношений можно лишь предположительно. В основе, видимо, лежало обострение противоречий между государствами Пиренейского полуострова. Симптоматично само по себе начало включения пиренейских государств в англо-французскую борьбу.

Примирение в английском королевском семействе сопровождалось англо-французским договором – обстоятельство, ярко подчеркнувшее главную причину очередной «войны

сыновей». Соглашение Генриха II и Филиппа II (сентябрь 1183 г.) оставляет ощущение политического успеха французского короля. Его постоянное присутствие «за спинами» сыновей Генриха Плантагенета принесло политические результаты: Генрих II возобновил свой оммаж за континентальные владения.

Официальным свидетельством примирения английского и французского королей стало возобновление идеи совместного Крестового похода. В ответ на призывы папы Генрих II и Филипп II несколько раз на протяжении 80-х гг. торжественно объявляли о намерении помочь Святой земле, в Англии и Франции вводилось специальное налогообложение для нужд Крестового похода. Однако, как и в конце 70-х гг., идея не претворялась в жизнь. По-прежнему декларация примирения и совместных крестоносных планов прикрывала непримиримую вражду из-за давних семейных распрей и континентальных владений.

Филипп II отчетливо ощущал необходимость борьбы за усиление королевской власти во Франции. Для этого ему прежде всего было необходимо увеличить размеры владений, принадлежащих короне (домена). Наиболее естественно и своевременно это можно было бы сделать за счет владений Плантагенетов. Не будучи пока уверенным в возможности военной победы, Филипп II продолжал развивать «открытую» его отцом линию лавирования между Генрихом II и его сыновьями. Немедленно после смерти «молодого коро-

ля» Генриха французский король начал сближаться с Жоффреем, который в 1186 г. также внезапно умер от полученной на турнире раны. Показательно, что эта кончина произошла в Париже, где Жоффрей успел найти теплый прием. Уже в следующем, 1187 г. началась «дружба» Филиппа II и Ричарда, который со временем получил прозвище Львиное Сердце и считался первым рыцарем Европы. До этого он всегда был на стороне противников французского короля.

Филипп II блестяще овладел искусством располагать к себе того из сыновей Генриха, который был нужен ему в тот или иной момент. Благоприятной почвой для сближения с Ричардом стало получившее известность намерение Генриха II обойти права Ричарда на наследование в пользу младшего сына Иоанна. В 1188 г. английский король прямо заявил, что не обещает передать трон Ричарду. Результатом этого очередного семейного конфликта Плантагенетов стало, можно сказать, уже традиционное французское вмешательство. Ричард принес Филиппу II оммаж за континентальные владения, стал «человеком французского короля» и попросил его о помощи в борьбе за свои наследственные права. Меньше чем через год войско Филиппа II вместе с Ричардом вторглось в Нормандию.

Тридцатипятилетнее правление Генриха II, львиная доля усилий которого была отдана цели расширения и укрепления универсальной монархии под эгидой английской короны, завершилось поражением короля. За три дня до смер-

ти он подписал с Филиппом II договор, навязанный ему французским королем. Король Англии в очередной раз признал себя вассалом французской короны по континентальным владениям, а Ричарда – своим наследником. Вновь подтверждалась идея совместного участия в Крестовом походе и план намеченного несколько лет назад династического брака Ричарда и сестры Филиппа II Алисы. Главным признаком политического поражения английского короля было его обязательство уплатить своему сюзерену Филиппу II огромную денежную сумму – 20 тыс. марок. Французская монархия впервые нанесла такой ощутимый удар по главе «Анжуйской империи». Хотя главная цель – разрушение этого мешающего развитию Франции политического образования – оставалась недостигнутой. Тем не менее первая политическая победа после нескольких десятилетий интриг, лавирования и военных столкновений должна была восприниматься французским двором с большим удовлетворением. Вероятно, именно это сделало возможной отсрочку дальнейшей англо-французской борьбы за континентальные владения и позволило английскому и французскому королям наконец принять участие в Крестовом походе.

Ричард I (1189–1199), прославившийся в средневековой Западной Европе как горячий приверженец крестоносной идеи, непосредственно продолжал замыслы своего отца. Устремленность английского короля на Восток была развитием универсалистской политики Плантагенетов, попыткой

расширить пределы «империи» и утвердить ее международный авторитет. Ради достижения этой цели Ричард I в начале своего правления приостановил активность во французских владениях и, что особенно показательно, – пошел на уступки Шотландии. 5 декабря 1189 г. – то есть после полугода правления нового английского короля – была подписана Кентерберийская хартия, согласно которой Шотландское королевство возвратило себе юридическую самостоятельность. Вассальные обязательства сохранялись, как в XI в., только лично за королем. За этим событием, естественно, стояли плоды стойкого сопротивления шотландцев английской экспансии. Однако в эти годы оно еще не было столь результативно, как в XIII – начале XIV в. Основой сговорчивости Ричарда I было стремление «обеспечить тыл» во время восточного похода. К тому же английский король остро нуждался в средствах, что, видимо, и заставило его уступить шотландцам за 10 тыс. марок пограничные крепости Бервик и Роксбург. Мирные намерения французского короля в отношении Английского королевства были торжественно провозглашены в нескольких договорах и соглашениях.

Путь к расширению владений на Востоке был открыт. Главным объектом внимания крестоносцев в Третьем крестовом походе стало Средиземноморье, и прежде всего Сицилия. Здесь завоевательные планы Ричарда I столкнулись с интересами Германской империи.

Отчетливая тенденция создания государства универсаль-

ного типа, обнаруженная в период долгого правления Генриха II Плантагенета, неизбежно должна была вызвать противодействие не только со стороны государств, которым она непосредственно угрожала. Держава Плантагенетов превращалась в конкурента Германской империи, правители которой еще в X в. встали на путь универсализации государства и претендовали на роль лидеров в международной жизни Западной Европы. Давняя борьба за политический приоритет между империей и папством соприкоснулась с начинающими приобретать широкие масштабы столкновениями интересов английской и французской монархий. На этом пересечении выделялись интересы ведущих в тот момент сил: германских императоров и английских королей – правителей обширного аморфного «анжуйского наследия». Столкновение этих политических сил соответствовало интересам их соперников: французской монархии и папства. Наиболее откровенно это продемонстрировал Филипп II. Его роль в Третьем крестовом походе была прежде всего «отвлекающим маневром» расчетливого политика, который уже в течение почти десяти лет искал пути разрушения державы Плантагенетов. Включение Ричарда I в крестовый поход могло дать два желаемых для французской монархии результата: отвлечь английского короля от борьбы за расширение континентальных владений и столкнуть его с германским императором. Время показало, что Филиппу II блестяще удалось использовать и то и другое. Считалось, что поход возглав-

ляют три государя: Ричард I, Фридрих I Барбаросса и Филипп II. Однако положение двух первых в международной жизни было реально значительно выше, чем у французского короля.

К моменту начала Третьего крестового похода (1189–1192) французская монархия еще не была равным соперником на Востоке ни для державы Плантагенетов, опиравшейся на более совершенный государственный аппарат своего «основания» – Английского королевства, ни для Германской империи с ее обширными внешними ресурсами и утвердившимся международным авторитетом. В «политическом активе» Филиппа II пока могли числиться лишь частные успехи в борьбе с Плантагенетами и важный опыт его отца Людовика VII, который сумел в 1173 г. создать первую международную коалицию против Генриха II. Однако за спиной французского короля был более прочный тыл. К концу 80-х гг. он одержал несколько важных побед над крупными феодалами – графом Фландрским и герцогом Бургундским, а также добился заметных результатов в укреплении административного аппарата на местах. Королевские бальи⁴ стали серьезной опорой короля и проводниками его политики. Это выгодно отличало положение Филиппа II от ситуации в королевстве Ричарда I, окруженном враждебными владениями, подрываемом изнутри интригами откровенно ненави-

⁴ Бальи – королевский чиновник, осуществлявший в основном судебные полномочия на территории бальяжа – мелкой административной единицы.

дяде Ричарда его брата Иоанна. Внутреннее положение в империи, правители которой хронически отдавали основные силы завоеваниям и конфликтам с папством, было традиционно непрочным. Столкновение между двумя признанными в международной жизни Западной Европы лидерами могло быть в тот момент только на руку Франции.

Известная борьба английского короля за влияние на Сицилии (Ричард I защищал династические права своей сестры Иоанны – вдовы сицилийского короля), захват английскими крестоносцами Кипра, участие крестоносцев из трех королевств в осаде и штурме Акры и выборе претендента на иерусалимскую корону – все это резко обострило противоречия между английским королем и германским императором. Они не могли сосуществовать как союзники даже в таком «общехристианском» деле, как Крестовый поход на Восток.

Филипп II явно выжидал, пока английский король под давлением своих честолюбивых замыслов поглубже увязнет в войне и борьбе с императором. Ради этой цели он внешне стоически перенес скандальное решение Ричарда I отказаться от официально принятого проекта его брака с сестрой французского короля и обвенчаться прямо во время Крестового похода с дочерью короля Наварры Беренгарией. В марте 1191 г. Филипп II подписал договор с английским королем, где был отвергнут прежний брачный проект за 10 тыс. серебряных марок, которые обязался уплатить Ричард I. Все

еще сохраняя видимость дружбы с английским королем, Филипп II летом того же года предложил ему добровольный раздел Кипра. Выдвинутое Ричардом I ответное предложение передать ему в таком случае сюзеренитет над половиной Фландрии трудно расценить иначе, чем как форму отказа. Но Филипп сделал вид, что примирился и с этим. В июле 1191 г. английский король, видимо, понял, что главные заботы французского короля остались в пределах давней проблемы «анжуйских владений» и что возвращение к ее решению до окончания Крестового похода чрезвычайно опасно. Со свойственной ему прямолинейностью Ричард I попытался быстро решить этот вопрос, потребовав от Филиппа II клятву остаться на Востоке еще на три года. В тот момент, когда французский король отказывался от этой клятвы, ему, вероятно, было уже ясно, что назрело время для возвращения во Францию. Ричард I, глубоко вовлеченный в войну на Востоке, не мог сразу же последовать за ним.

Возвращение внезапно «заболевшего» Филиппа II, его договоренность с германским императором Генрихом VI о всевозможных препятствиях для отбытия в Европу Ричарда Львиное Сердце свидетельствуют о том, что англо-французские противоречия по поводу владений анжуйского дома остались центральными в отношениях между королевствами. Они затрагивали жизненно важные вопросы (прежде всего для развития Франции) и должны были отодвинуть на второй план «престижные» или экспансионистские пла-

ны Ричарда. Враждебность, возникшая между английским королем и германским императором, сыграла определенную роль в развитии англо-французской борьбы: двухлетнее пребывание Ричарда I в плену у императора было очень важно для французской короны.

Первые же политические шаги возвратившегося во Францию Филиппа II свидетельствовали о том, что он намерен наконец добиться реальных результатов в борьбе за континентальные владения Плантагенетов. Продолжая испытанную политику лавирования между сыновьями Генриха II, французский король сосредоточил внимание на установлении контактов с младшим братом Ричарда I, Иоанном. Движимый честолюбием и жадой власти, Иоанн подписал в январе 1192 г. договор, по которому он уступил французскому королю часть Нормандии за сомнительную перспективу союза с ним против Ричарда. В тексте договора фактически содержалось обещание действовать совместно против короля Англии. «Я не могу заключить мир с английским королем без разрешения короля Франции», – писал Иоанн. Таким образом, первое существенное территориальное приобретение за счет «анжуйских владений» произошло без применения оружия. Оно стало результатом длительных политических усилий французских королей, которые справедливо делали ставку на внутреннюю слабость «империи» Плантагенетов и неизбежные распри при наследовании такого обширного и пестрого политического образования. Однако было очевид-

но, что без войны завершить перераспределение владений в Европе не удастся.

Филипп II торопился использовать свое политическое достижение и развить успех до возвращения Ричарда I из плена. В Англии стали известны его усилия, направленные на удержание Ричарда в германском плену: французский король и Иоанн обещали императору огромные деньги за отказ освободить английского короля за выкуп. Это подтверждается документально в письме Филиппа II герцогу Австрийскому (Ричарда I пленил именно он на основании личной вражды, а затем «уступил» его императору Генриху VI). Французский король просил герцога строго охранять и ни в коем случае не отпускать на свободу «нечестивейшего короля Англии» (начало 1193 г.)⁵.

Просьба эта наверняка повлияла на «неуступчивость» императора. Несмотря на пламенные обращения матери Ричарда I королевы Алиеноры к папе и требования самого английского короля, переговоры о выкупе шли медленно. Нет сомнений, что германский император объективно оказывал большую услугу Франции, способствуя тем самым ослаблению Английского королевства – своего опасного политического соперника. Торопясь закрепить свои достижения, Филипп II продолжил политическое и военное давление на Иоанна. Весной 1193 г. он начал силой расширять свои владения в Нормандии, принуждением, убеждением и обещаниями склонил прибывшего в Париж Иоанна к дальнейшим

уступкам. Иоанн обещал французскому королю уже не только раздел Нормандии, но и часть Турени и Ангума.

Возвращение Ричарда Львиное Сердце в Англию (1194) практически предопределяло англо-французскую войну. Однако реально она развернулась лишь три года спустя, в 1197 г., и объясняется это не только необходимостью сбора средств, подготовки войска и т. п. Время показало всю глубину противоречий между двумя королевствами и невозможность их разрешения с помощью коротких единовременных ударов, которые наносили друг другу Генрих II и Людовик VII. Требовалась международная подготовка, тем более что опыт прошлого (особенно события 1173 г.) доказал возможность вовлечения в англо-французскую борьбу европейских государств, заинтересованных в ослаблении того или другого соперника.

Ричард I в первую очередь постарался вновь обезопасить Англию со стороны Шотландии. Кентерберийская хартия 1189 г. вполне оправдала себя: Английское королевство в течение пяти лет не ощущало обычной со времени Генриха II опасности на севере. Ричард I решил подтвердить независимый статус Шотландского королевства за очень крупную денежную сумму, примерно равную размерам его выкупа (апрель 1194 г.). Это вымогательство, конечно, подчеркивало непрочность независимости, полученной из рук английского короля. Тем не менее пока тяжелое условие было принято, и Шотландия на ближайшие годы вышла из ак-

тивного участия в англо-французской борьбе. Это лишало французскую монархию потенциального ценного союзника. Появление такого союза в будущем зависело от того, станут ли преемники Генриха Плантагенета продолжать и развивать его экспансионистские замыслы. Большое внимание Ричард I уделил юго-западным областям своих владений, которые со времени его юности неоднократно были объектом его тревог и усилий. Дух независимости, в высшей степени присущий французскому юго-западу, опирался на своеобразие исторической судьбы этого региона, глубокую этническую самобытность его населения, отсутствие реальной связи как с Английским, так и с Французским королевством. Если бы эти области имели большую административную целостность, они могли бы претендовать на независимое развитие не меньше, чем Шотландия или Фландрия. Сознывая важность юго-западных границ, Ричард I постарался урегулировать давние сложные отношения с фактически независимым Тулузским графством, подкрепить военно-политические контакты с Наваррой.

Важным политическим достижением английского короля стало заключение союза с графом Фландрским (1157), который, в отличие от довольно осторожных соглашений 60-х и 80-х гг. XII в., теперь занял более определенную политическую позицию: «отказался от клятвы верности французскому королю и примкнул к королю Англии»⁶. Истоком этой большей определенности была прежде всего политика Фи-

липпа II Августа: начиная с 90-х гг. он оказывал усиленный нажим на Фландрию. Потеснив границы фактически независимого графства еще в середине 80-х гг., французский король затем начал распоряжаться там как в своей вотчине. Его официальные письма показывают, что он стремился вникнуть в любой, даже мелкий вопрос, поставить под свой контроль каждое действие графа. Опасность поглощения Францией толкнула Фландрию на сближение с Англией, в которой графы Фландрские когда-то видели главного врага. Не последнюю роль в такой переориентации играли и крепнущие торговые связи фландрских городов с Англией, а также некоторые соображения субъективного характера. При Генрихе II Плантагенете английская опасность представлялась более реальной еще и потому, что ее носителем была сильная личность, в то время как французский престол занимали гораздо менее яркие фигуры. На рубеже XII и XIII вв. ситуация изменилась. Филипп II все более убедительно демонстрировал качества политика и военачальника.

Папство и Германская империя также не остались в стороне от назревания очередного (но, как ощущалось, более крупного, чем прежде) конфликта между английской и французской монархиями. В империи после смерти Генриха VI (1197) началась борьба претендентов на престол – Оттона Брауншвейгского и Филиппа Швабского. Первый из них был племянником английского короля, сохранившим тесные связи с английским двором. Франция, естествен-

но, решительно приняла сторону второго. Филипп Швабский стал в 1198 г. союзником Филиппа II Августа, обещав ему поддержку против английского короля (и его племянника), а также против неверного вассала графа Фландрского. Оттон IV, избранный «антикоролем» в противовес брату Генриха VI Филиппу Швабскому, обещал помощь Иоанну против французского короля. Папа Иннокентий III, которого вполне устраивала в тот момент междоусобная борьба в Германии, в столкновении Англии и Франции поначалу занял более благожелательную позицию по отношению к Ричарду I. Иннокентий III справедливо рассматривал его как потенциального активного участника крестового движения, с которым были связаны грандиозные политические замыслы папства. С Филиппом II у папы произошел конфликт на почве семейных дел короля, что препятствовало в тот момент их сближению.

Однако в целом папство пока не проявляло сколько-нибудь глубокой заинтересованности в урегулировании отношений между Англией и Францией. Разногласия между ними объективно были на руку Иннокентию III, который в любой политической ситуации стремился к укреплению авторитета папской власти. Новое соприкосновение противоречий между империей и папством с англо-французскими, как и прежде, не привело к каким-либо серьезным реальным последствиям. Договоры и папские призывы оставались на бумаге, английская и французская поддержка борющимся

ся в Германии претендентам на престол носила преимущественно моральный, политический и дипломатический характер. Жизненно важные для обеих монархий проблемы решались в тот момент в Нормандии.

Уже со времени своего возвращения из плена Ричард I начал вытеснять Филиппа II из Нормандии, действуя и силой оружия, и дипломатическим путем, в 1197–1199 гг. развернулась настоящая война за Нормандию. Успех сопутствовал английскому королю, и Филипп II был вынужден постепенно отдать все, что получил от Иоанна. Военное поражение Филипп II решил компенсировать с помощью дипломатии. Он сделал ставку на поддержку папы, пытаясь восстановить его против Оттона IV и английского короля. От лица своего ставленника французский король посулил папе значительное денежное возмещение. Большое внимание французский король уделил Фландрии. Стремясь добиться разрыва опасного союза графа Фландрского с Англией, Филипп II объявил, что он «прощает» неверного вассала, мирно разделив с ним спорные владения. Умный и дальновидный политик, Филипп II едва ли мог не осознавать, что все эти политические шаги крайне малоэффективны перед угрозой откровенно готовившейся Ричардом I новой войны против Франции.

Ситуацию резко изменил случай – внезапная гибель Ричарда I в одном из континентальных владений. Филипп II вновь проявил себя как ловкий политик, который умеет тщательно рассчитывать свои политические шаги и извлекать

максимальную пользу из благоприятных обстоятельств. Он превратил право сюзерена континентальных владений Англии в действенное средство политики французской монархии. Филипп II признал справедливыми притязания Артура Бретонского – племянника нового английского короля Иоанна – на часть «анжуйского наследства» – Анжу, Мен и Турень. Эта политическая акция была апогеем многолетней практики лавирования французского короля между наследниками Генриха II, претендовавшими на раздел созданной им «империи». Используя в своих политических интересах последовательно каждого из сыновей Генриха Плантагенета, Филипп II нанес последнему из них, Иоанну, сокрушительный удар. Он проигнорировал договор 1192 г., по которому Иоанн – тогда еще английский принц – стал его союзником.

В то время как Филипп II все более убедительно демонстрировал качества политика и военачальника, в Англии корона перешла к младшему сыну Генриха II Иоанну (1199–1216), получившему со временем прозвище Безземельного, потому что, в отличие от старших братьев, не получил владений во Франции, а затем потерял почти все владения Плантагенетов на континенте.

В ранге короля он стал врагом французской монархии. Решение Филиппа II выступить в защиту прав Артура Бретонского ярко показало, насколько условными сделались к концу XII в. вассально-ленные связи в отношениях между мо-

нархиями. Там, где они соответствовали интересам крепнущего государства, они признавались и действовали. В противоположном случае – отбрасывались. Филипп II, в отличие, например, от Ричарда Львиное Сердце, был правителем нового типа. Для него государственный интерес определенно стоял выше традиционных вассально-ленных отношений и норм рыцарской морали.

Удар по позициям английской короны на континенте был нанесен стремительно и внезапно: спустя несколько месяцев после смерти Ричарда I французские войска вторглись в Нормандию под предлогом защиты прав Артура Бретонского. Союзники Иоанна (германский король Оттон IV, граф Бодуэн IX Фландрский) не успели даже получить его призыв о помощи. В мае следующего, 1200 г. английский король капитулировал и подписал унижительный договор с Филиппом II. По существу, он предопределял полный распад «державы Генриха II»: Иоанн получил подтверждение своих прав на владения во Франции, уступив Филиппу II несколько замков и феодалов в Нормандии и на юго-западе. Это было куплено за очень высокую плату: английский король обязался уплатить 20 тыс. марок и отрекся от своих союзников. Несмотря на то что в 1199 г. был подтвержден его союз с графом Фландрским, что Иоанн и Бодуэн IX поклялись не заключать сепаратного мира с Францией, Иоанн подписал договор с Филиппом II без участия Фландрии и более того – согласился, что «граф Фландрский должен принести француз-

скому королю «тесный оммаж»⁷. Он обещал также не оказывать финансовой или военной помощи графу Фландрскому и Оттону Брауншвейгскому. Довершая свою наметившуюся политическую изоляцию, Иоанн в том же году вступил в противоречия с папой Иннокентием III по финансовым вопросам, приближая будущий глубокий и очень тяжелый для Англии политический конфликт. Единственным союзником Иоанна в Европе остался король Наварры Санчо VII, который обещал при необходимости предоставить ему войско и деньги, а также не заключать без его согласия мира с Кастилией и Арагоном.

Положение Филиппа II было на рубеже веков совсем иным. Он возвратил под власть короны практически независимую Фландрию, в очередной раз включив часть владений графа в состав королевского домена. В том же, 1200 г. французский король заключил очень важное династическое соглашение о браке своего наследника Людовика и дочери короля Кастилии. До этого времени пиренейские страны находились почти исключительно в сфере внимания и влияния Плантагенетов, страховавших свои обширные владения на юго-западе Франции. Королей Кастилии и Наварры связывали с домом Генриха II династические узы и военные обязательства; они неоднократно выступали на стороне английского короля с оружием в руках и признали его арбитром в решении своих противоречий; король Арагона оказывал военную помощь Генриху II в юго-западных владениях.

ях, а Ричард I во время Крестового похода помогал королю Португалии в борьбе с арабами. Кастильская принцесса, просватанная за наследника французского престола, приходилась племянницей Иоанну Безземельному, а ее отец Альфонс VIII уже тридцать лет ждал перехода под его власть Гаскони – приданого дочери Генриха II. Устроенный Филиппом II «французский брак» дочери Альфонса открывал путь вмешательству Франции в отношения между Англией и странами Пиренейского полуострова. С целью обретения поддержки Иннокентия III Филипп II занял позицию энтузиаста провозглашенного папой в 1199 г. Четвертого крестового похода. Тем самым он закрепил и свои контакты с германским императором Филиппом Швабским, который был заинтересован в антивизантийских замыслах крестоносцев.

Несмотря на шумную словесную поддержку Крестового похода, Филипп II не принял в нем реального участия. В отличие от многих современных ему правителей французский король сумел отодвинуть на второй план эффектные перспективы завоеваний на Востоке и возможности приобретения императорской короны. Борьба с Плантагенетами решала более насущный вопрос собирания французских земель. Обстановка подсказывала, что столкновение из-за «анжуйских владений» вступало в решающую фазу. Борьба за континентальные владения английского дома органично соединялась с внутренней политикой Филиппа II, его централизаторскими усилиями. Эта линия его внешней политики фак-

тически была прямым продолжением внутренней. «Крестовые заботы», судьба Германской и Византийской империй могли быть лишь частью экспансионистских замыслов, которые, как правило, опирались на относительно высокие достижения в укреплении государственности (Англия при Генрихе II) либо подменяли собой выполнение этой задачи (Германская империя в XI–XIII вв.). Французская монархия на рубеже XII–XIII вв. являла собой иной, третий вариант – она подошла к порогу первых крупных достижений в укреплении феодального государства, и, для того чтобы они стали реальностью, Филиппу II остро требовалось в первую очередь увеличить свой домен и доходы, следовательно – воевать с Англией. Не будь этой острой необходимости, роль Франции в истории Четвертого крестового похода и Латинской империи⁵

⁵ Латинская империя – феодальное государство со столицей в Константинополе, основанное участниками Четвертого крестового похода на захваченных ими европейских владениях Византийской империи. Существовала с 1204 по 1261 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.